

МАРК ВЕТРОВ

Я НЕ ДОБЕЖАЛ

ПОВЕСТЬ О ШУМЕ

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Марк Ветров

Я не добежал

«Автор»

2026

Ветров М.

Я не добежал / М. Ветров — «Автор», 2026

В детстве Витя звал друзей криком из-под окна. Одна песня, переданная с телефона на телефон, могла собрать во дворе пятерых мальчишек. Теперь ему двадцать пять: после смены на складе он до утра листает чужие жизни, а сообщение матери откладывает «на потом». Когда нужно съездить в бабушкин дом, Витя садится в поезд и остаётся без привычной связи. Тишина встречает его не готовыми ответами, а коробками старых фотографий и разговорами, от которых уже не отмахнуться. Вернувшись в город, он всё равно возьмёт телефон в руки. Вопрос в том, кого он наберёт первым. «Я не добежал» — короткая художественная повесть о дружбе, семье и внимании, которое незаметно уходит в бесконечную ленту.

© Ветров М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Статуи во дворе	5
Глава 2. Комната без дверей	6
Глава 3. Биоробот Витя	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Марк Ветров

Я не добежал

Глава 1. Статуи во дворе

Я родился в 2001-м, на стыке эпох. В нашем доме ещё стоял пузатый телевизор «Рубин»: когда картинка расплзлась на полосы, отец стучал по его крышке ладонью. А в соседней комнате гудел системный блок, который мы почему-то называли просто «Пентиум». Я не помню момента, когда появился каждый из них. Для меня они всегда стояли рядом, словно никто не предупредил вещи, что одна эпоха должна закончиться, прежде чем начнётся другая.

Моё детство пахло пылью, гудроном и нагретым пластиком дешёвых игрушек. Мы знали, где во дворе после дождя дольше всего держится лужа и из какого окна высовывается сердитый сосед, если ударить мячом по стене. Кого искать, тоже знали без всякой карты. Ты выходил, набирал в лёгкие воздуха и кричал:

— Са-а-а-ня! Вы-хо-ди!

Если в окне третьего этажа никто не появлялся, Саня либо ел, либо был наказан. Третьего не дано. Иногда он всё-таки показывался и разводил руками: сегодня не пустят. Мы не обижались. Завтра можно было крикнуть снова.

Кажется, именно там я впервые понял, как звучит ожидание. Это шорох шин по мокрому асфальту, хлопок подъездной двери, мяч, который ты подбрасываешь и ловишь, пока кто-то надевает кроссовки. Никто не обещал ответить за секунду. Поэтому, когда дверь наконец открывалась, ты радовался человеку, а не скорости его ответа.

В 2007-м Лёхе подарили телефон, который умел проигрывать музыку. Во дворе такие вещи появлялись по одному экземпляру и на несколько недель становились общими. Лёха берёт свой Sony Ericsson, как старший брат бережёт ключи от машины, к которой его ещё не подпускают.

Мы стояли кружком у гаражей: пятеро пацанов и два телефона. Я держал свой «Сименс» так, как велел Лёха, направив маленькие тёмные окошки друг к другу.

— Только не дёргайся, — сказал он. — Сначала всё пойдёт заново.

Передавали песню «Касты». Она весила несколько мегабайт, и полоска на экране ползла мучительно медленно. Руки затекали. Кто-то предложил положить телефоны на кирпич, но Лёха сказал, что так они разъедутся. Мы остались стоять.

Саня смеялся над нами:

— Памятник передаче файла.

Но тоже не уходил. Когда экран сообщил, что всё получилось, мы закричали так, будто выиграли футбольный матч. Лёха включил песню. Динамик хрипел, за гаражами лаяла собака, половину слов мы не разобрали. Зато нас было пятеро, и слушали мы одновременно.

Теперь я иногда думаю о том дворе как о месте, где начался Шум. Это было бы удобное объяснение, но неправильное. Телефон тогда не разлучил нас. Он дал нам ещё один повод собраться. Мы хотели передать песню друг другу, а не спрятаться в ней от остальных.

Потом появились домашний интернет, страницы с фотографиями, переписки, которые можно было не заканчивать. Мы росли, меняли школы и адреса. Однажды я вышел на улицу и понял, что уже не помню, когда в последний раз кричал под чьим-то окном «Выходи».

Я мог написать Сане в любую минуту.

Я так и не написал.

Глава 2. Комната без дверей

В тринадцать лет у меня появился аккаунт на форуме. Там спорили о музыке, выкладывали фотографии ночного города и объясняли друг другу, как устроен мир. Я сидел за компьютером после школы и чувствовал, что наконец попал в компанию, где можно говорить обо всём. Во дворе тебя перебивали. Здесь перед ответом можно было подумать, исправить фразу, удалить неудачную шутку.

С человеком по имени Север мы переписывались почти год. Он присылал мне треки и однажды помог разобраться с программой, которую я несколько дней не мог запустить. Когда у меня умер дед, я написал об этом в пустом разделе форума, хотя не сказал даже некоторым школьным друзьям. Север ответил коротко: «Понимаю. Если захочешь, я здесь». Я до сих пор помню эти слова. Их написал живой человек.

Я не хочу говорить, что всё, что случалось в интернете, было ненастоящим. Там были настоящие разговоры. Иногда именно они помогали продержаться до утра.

Но у комнаты, в которой можно постоянно быть с людьми, обнаружилось странное свойство: из неё всё труднее было выходить. Саня звал меня погулять. Я отвечал: «Сейчас». За этим «сейчас» проходил час, потом ещё один. Во дворе начинался дождь, друзья расходились, а я дочитывал спор людей, которых никогда не видел. Мне казалось, что я выбираю разговор поинтереснее. Позже я понял, что часто просто выбирал тот, из которого легче уйти незаметно.

В школе я пытался пересказать Лёхе длинную ночную беседу с Севером. Он слушал, а потом спросил:

— Так ты с ним встретишься?

— Он в другом городе.

— А, — сказал Лёха и пнул камешек. — Тогда давай хоть мы сегодня встретимся.

Мы встретились. Не потому, что я сделал правильный выбор. Просто у меня дома отключили интернет.

Лет в восемнадцать я начал писать длинные тексты на своей странице. Сначала о музыке, потом о работе, о том, как устроены чужие решения. Я мог провести вечер над одним абзацем, меняя местами слова, пока они не начинали звучать честно. Когда кто-нибудь писал: «У меня было так же», хотелось взяться за следующий текст. Когда отклика не было, я лез проверять, сколько человек дочитало до конца. Постепенно при написании я всё чаще представлял не человека по ту сторону экрана, а маленький счётчик под публикацией.

Как-то я удалил заметку о бабушке через семь минут после публикации: почти никто не отреагировал. Удалил и сразу пожалел. Бабушка в тот вечер варила варенье и понятия не имела, что её история пыталась пройти проверку чужим вниманием. Я переписал текст в тетрадь, но так больше ей его и не показал.

Иногда мне хотелось написать книгу. Я воображал не работу над ней, а тот день, когда её увидят и скажут, что я всё-таки чего-то стою. Чем чаще я думал об этом дне, тем труднее было написать первую страницу. От текста я ждал доказательства собственной важности, а на белом листе помещались только обычные слова.

Потом в кармане поселился смартфон. Теперь комната ездила со мной в автобусе, лежала рядом во время еды, светила под одеялом. В ней стало больше дверей, но каждая вела в следующую такую же комнату. Музыка продолжалась сама. За коротким видео начиналось новое. В ленте всегда находился кто-нибудь умнее, красивее, смешнее или несчастнее меня.

Я привык проверять экран перед тем, как понять, чего хочу. Если мне становилось скучно, он предлагал, чем занять минуту. Если грустно — показывал людей, которым ещё хуже, или людей, которые будто бы давно всё наладили. Если я радовался, мне хотелось сразу найти для радости подпись и фотографию.

В некоторых переписках мы с друзьями говорили ежедневно. Делились заголовками, шутками, обрывками чужих видео. Я мог проснуться и найти пятьдесят сообщений, написанных, пока спал. Читал их в автобусе и улыбался. Но однажды на дне рождения знакомого, куда мы наконец собрались, я вдруг не сумел начать с ним разговор. За последние месяцы я видел сотни его реакций на новости. Я не знал, нравится ли ему новая работа и как поживает его дочь. Он спросил, как я. Я ответил мемом, который мы оба знали, и только после неловкой паузы понял, что произнёс его вслух.

Мы всё-таки поговорили. Несколько минут стояли на кухне среди грязных тарелок. Он рассказал, что переехал, а я — почему перестал писать. Потом кто-то позвал его за тортом. На следующий день в общем чате появились фотографии с праздника. Я был на многих из них. Поначалу этого хватало, чтобы считать вечер полноценной встречей.

Я не замечал момента, в который обычная привычка превратилась в расписание дня. Утром я ещё не успевал открыть глаза, а уже протягивал руку. К вечеру уставал от чужих голосов и всё равно боялся пропустить следующий.

Через несколько лет мы с Саней нашли друг друга в социальной сети. У него на фотографии были жена и девочка в красной куртке. Я поставил сердечко. Он поставил сердечко под моей фотографией на фоне Финского залива. Так мы узнали, что оба живы. Мы даже написали: «Надо как-нибудь увидеться».

Оба ответа до сих пор хранятся в переписке.

Глава 3. Биоробот Витя

Мне двадцать пять. Я работаю на складе маркетплейса под Петербургом. В начале смены беру сканер, проверяю заряд, затягиваю шнуры. Картон там пахнет пылью и клеем, а кофе из автомата — горячим пластиком. Машины приходят одна за другой. Мы принимаем коробки, двигаем паллеты, ищем потерянные позиции.

Я пришёл сюда после времени, проведённого за компьютером. Мне казалось, что если буду работать руками, голова отдохнёт. В какой-то степени так и случилось. После тяжёлой смены трудно строить в голове чужую идеальную жизнь. Но экран от меня не ушёл. Он просто стал меньше и получил ремешок.

Сканер сообщает, какая ячейка нужна. На табло собираются цифры, по ним видно, как быстро движется работа. Если задерживаешься, это тоже видно. Временами я ловлю себя на том, что заранее тороплюсь, ещё не взяв коробку. Когда наконец снимаю жилет, рука несколько секунд остаётся сжатой так, будто в ней всё ещё сканер.

В первый месяц я запоминал путь от ворот до места переодевания по запахам: на одном участке стояли новые покрышки, на другом — коробки с мылом, а возле автомата кто-то всегда разогревал еду. Потом перестал замечать. Я смотрел, как сменяется цифра на экране, и выбирал кратчайшую дорогу. Иногда это было удобно: без сканера я бы искал нужную коробку до утра. Иногда после работы мне казалось, что и собственный день можно оценить только количеством сделанного.

Ребята знали, как обойтись без этой мысли. Кто-то весь перерыв спорил о футболе. Кто-то созванивался с семьёй. Один парень учил английские слова, приклеенные бумажками к внутренней стороне шкафчика. Я пробовал и разговор, и бумажки. Ненадолго хватало сил. Чаще всего мне хотелось, чтобы кто-нибудь выбрал за меня занятие на оставшиеся десять минут. Телефон справлялся быстрее всех.

— Витёк, смотри, — говорит Серёга на перерыве и подносит свой телефон почти к моему лицу.

На экране мужчина несёт торт по лестнице. Мы уже знаем, что будет дальше, потому что подпись над видео обещает падение. Мужчина поскальзывается, торт летит вниз. Серёга смеётся, я тоже улыбаюсь.

— Видел? — спрашивает он.

— Видел.

Я и правда видел. Вчера ночью. Или позавчера. За последние недели я видел столько одинаковых падений, что различить их почти невозможно. Серёга прокручивает следующее видео; там женщина спасает котёнка. У него красные от недосыпа глаза. У меня, наверное, такие же.

На складе никто не хочет, чтобы ему читали лекцию о телефонах. Перерыв короткий. У Серёги дома маленький ребёнок, который просыпается как раз тогда, когда он ложится. Мне неизвестно, чем ему ещё выдыхать после смены. Да и я стою рядом с открытой лентой, только делаю вид, что не собирался туда заглянуть.

Вечером я возвращаюсь домой с больной спиной и тяжёлыми ногами. Обувь остаётся у порога, куртка — на спинке стула. Я думаю: поем, лягу пораньше. Вместо этого сажусь на диван и достаю телефон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.